

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2025.4.2>

Взаимосвязь воспринимаемого нарциссизма партнера и созависимости у женщин

Елена С. Малышева

Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

Почта автора: procikia@yandex.ru

Аннотация

Введение. Работа нацелена на изучение взаимосвязи между воспринимаемым нарциссизмом партнера и выраженностью созависимости у женщин. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к феномену нарциссизма в современном обществе и высокой распространенностью деструктивных отношений, в которых партнеры, преимущественно женщины, оказываются втянуты в созависимую динамику. Новизна работы заключается в смещении фокуса с клинического диагноза партнера на субъективное восприятие его нарциссических черт женщиной как ключевого предиктора формирования созависимости. **Цель.** Выявить взаимосвязи между воспринимаемым нарциссизмом партнера и выраженностью созависимости у женщин. **Методы.** В исследовании приняли участие 69 женщин в возрасте от 20 до 65 лет. Для сбора данных использовался комплекс методик: Тест на межличностную зависимость (IDI), Опросник эмоционального абьюза (EAQ), Опросник жертвы газлайтинга (VGQ), опросник «Нарциссические черты личности» (НЧЛ), а также авторская анкета для оценки воспринимаемого нарциссизма партнера. Обработка данных проводилась с использованием непараметрических методов статистики (коэффициент корреляции Спирмена, U-критерий Манна-Уитни). **Результаты.** Статистически значимых межгрупповых различий по уровню созависимости и собственным нарциссическим чертам между женщинами, воспринимающими партнера как высоко- и низко-нарциссичного, не выявлено. Однако корреляционный анализ показал наличие умеренной положи-

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

тельной связи между интегральным показателем воспринимаемого нарциссизма партнера и общим уровнем созависимости ($r=0,372$), а также уровнем виктимизации женщины ($r=0,410$). Также обнаружена связь между уровнем созависимости и такой собственной нарциссической чертой женщины, как «сверхзанятость чувством зависти» ($r=0,351$). **Обсуждение результатов.** Результаты подтверждают значимость конструкта «воспринимаемого нарциссизма» для понимания механизмов формирования созависимости. Обнаруженные связи указывают на то, что субъективное переживание поведения партнера как нарциссического тесно связано с чувством виктимизации и созависимыми паттернами. Особую роль в этой динамике играет уязвимый нарциссизм самой женщины, который может выступать фактором предрасположенности к зависимым отношениям. Полученные данные имеют практическую ценность для психологического консультирования, смещая фокус помощи на работу с восприятием и внутренней реальностью клиентки.

Ключевые слова

созависимость, любовная зависимость, нарциссизм, виктимизация, газлайтинг

Для цитирования

Малышева, Е. С. (2025). Взаимосвязь воспринимаемого нарциссизма партнера и созависимости у женщин. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 23(4), 15–33. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2025.4.2>

The Relationship between a Partner's Perceived Narcissism and Codependency in Women

Tatiana S. Malysheva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: procikia@yandex.ru

Abstract

Introduction. The work is aimed at studying the relationship between a partner's perceived narcissism and the severity of codependency in women. The relevance of the study is due to the growing interest in the phenomenon of narcissism in modern society and the high prevalence of destructive relationships in which partners, mostly women, are drawn into codependent dynamics. The novelty of the work lies in shifting the focus from the partner's clinical diagnosis to a woman's subjective perception of his narcissistic traits as a key predictor of codependency formation. *Goal.* To identify the relationship between a partner's perceived narcissism and the severity of codependency in women. **Methods.** The study involved 69 women aged 20 to 65 years. A set of methods was used to collect data: the Interpersonal Dependence Test (IDI), the Emotional Abuse Questionnaire (EAQ), the Gaslighting Victim Questionnaire (VGQ), the Narcissistic Personality Traits questionnaire (NCHL), as well as the author's questionnaire to assess the perceived narcissism of a partner. The data was processed using nonparametric statistical methods (Spearman correlation coefficient, Mann-Whitney U-test). **Results.** There were no statistically significant intergroup differences in the level of codependency and their own narcissistic traits between women who perceive a partner as highly and low narcissistic. However, correlation analysis showed a moderate positive relationship between the integral indicator of perceived narcissism of a partner and the overall level of codependency ($r=0.372$), as well as the level of victimization of a woman ($r=0.410$). A link was also found between the level of codependency and a woman's own narcissistic trait, such as "over-employment with feelings of envy" ($r=0.351$). **Discussion.** The results confirm the importance of the construct of "perceived narcissism" for understanding the mechanisms of codependency formation. The found connections indicate that the subjective experience of a partner's behavior as narcissistic is closely related to feelings of victimization and codependent patterns. A special role in this dynamic is played by the vulnerable narcissism of the woman herself, which can act as a predisposition factor for dependent relationships. The data obtained has practical value for psychological counseling, shifting the focus of assistance to work with the perception and inner reality of the client.

Keywords

codependency, love addiction, narcissism, victimization, gaslighting

For citation

Malysheva, E. S. (2025). The relationship between perceived partner narcissism and codependency in women. *North Caucasian Psychological Bulletin*, 23(4), 21–35. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2025.4.2>

Введение

За последние годы понятие «нарциссизм» стало значительно чаще появляться не только в научных работах, но и средствах массовой информации. Популярная психология, литература и социальные сети создают почву для активного обсуждения этого феномена, делая его узнаваемым почти для каждого (Dobrow, Phillips, & Rosado-Solomon, 2025). Такой растущий интерес тем временем возникает не просто так, он является следствием более частого проявления людьми нарциссических черт, что можно считать закономерной реакцией на определенные культурные сдвиги. Современное общество, с его культом успеха, самопрезентации и личных достижений, по сути, создает питательную среду для проявления и даже поощрения нарциссических черт, которые начинают казаться крайне полезными в подобных реалиях жизни (Бикбулатова, 2024). Тем временем за внешне привлекательной оболочкой уверенности в себе и самодостаточности нарцисса, к которым стремятся многие, скрывается сложный и часто деструктивный внутренний мир, последствия столкновения с которым становятся тяжелым испытанием, как и для самой личности, так и для окружающих её людей, и прежде всего, для партнеров по отношениям. Именно в интимной сфере нарциссическая динамика раскрывается с особой силой, формируя специфический тип связи, который становится ловушкой для партнера по отношениям. Парадоксальным образом, именно те качества, которые изначально привлекают — харизма, уверенность, яркость — впоследствии превращаются в инструменты психологического насилия. Циклы идеализации и последующего обесценивания создают нестабильную среду, в рамках которой уязвимый партнер, которым чаще всего является женщина, постепенно теряет веру в себя, начиная искать подтверждение своей ценности исключительно в глазах партнера. Так незаметно для себя партнер оказывается в роли обезличенного зеркала, призванного отражать и поддерживать грандиозное «Я» нарцисса. На этом фоне закономерно и практически неизбежно возникает феномен созависимости. В отношениях с нарциссом созависимость проявляется глубокая эмоциональная и экзистенциальная привязанность, при которой индивидуальность партнера растворяется в потребностях нарциссической личности. В большинстве случаев мысли, чувства и действия партнера подчиняются одной цели — избежать конфликта, обесценивания и поддерживать шаткое равновесие в отношениях. Партнеры учатся предугадывать настроение нарцисса, брать на себя ответственность за его эмоции. Именно поэтому углубленное исследование проявлений созависимости в таких отношениях представляется не просто актуальным, а остро необходимым. Традиционные модели созависимых отношений часто не учитывают специфики, присущей нарциссическим отношениям, в рамках которой нет прямых физических угроз, но есть систематическое разрушение самооценки партнера.

Таким образом, актуальность работы заключается в существующей потребности в изучении механизмов, влияющих на формирование и поддержание созависимости с целью выработки более эффективных стратегий помощи. Речь идет не только о лечении уже возникших последствий — тревоги, депрессии, посттравматических

расстройств, — но и о создании инструментов для раннего распознавания таких деструктивных паттернов. Особенно важным шагом в настоящей работе является выявление особенностей восприятия партнеров в качестве лиц, обладающих нарциссическими чертами. Нам представляется, что классический подход к изучению таких отношений, фокусирующий на клинической диагностике нарциссизма у партнера, упускает из виду фундаментальный аспект: именно субъективная реальность женщины является тем психологическим полем, в котором разворачивается вся динамика созависимости. Не объективный уровень нарциссизма у мужчины, а то, насколько она его воспринимает и интерпретирует как нарциссичного, определяет ее эмоциональные реакции, стратегии поведения и, в конечном итоге, степень ее погружения в созависимую позицию. Таким образом, вводимый в данном исследовании конструкт «воспринимаемого нарциссизма» становится центральным. С методологической точки зрения, данный подход позволяет сместить фокус с попыток «переделать» партнера-нарцисса (что практически невыполнимо) на работу с внутренней реальностью самой женщины, что открывает более эффективные пути для психологической помощи.

В связи с этим **целью** нашего исследования становится выявление взаимосвязей между воспринимаемым нарциссизмом партнера и выраженностью созависимости у женщин.

Нарциссизм и его влияние на романтические отношения

В современной психиатрической классификации нарциссическое расстройство личности (НРЛ) включено в Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM-5) и Международную классификацию болезней (МКБ-10 и МКБ-11). Согласно DSM-5, диагностические критерии НРЛ включают:

- грандиозное чувство собственной важности,
- поглощенность фантазиями о неограниченном успехе, власти и красоте,
- вера в свою «особость»,
- потребность в чрезмерном восхищении,
- чувство права на вознаграждение,
- эксплуатацию других,
- недостаток эмпатии,
- зависть к другим
- высокомерные, надменные установки.

Современные исследования проводят различие между клиническим нарциссическим расстройством личности и субклиническим нарциссизмом, который проявляется как личностная черта в общей популяции. Субклинический нарциссизм измеряется с помощью таких инструментов, как Narcissistic Personality Inventory (NPI) и проявляется в относительно адаптивных формах, таких как уверенность в себе и

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

лидерские качества, а также в более маладаптивных формах, таких как эксплуатативность и чувство права на вознаграждение (Raskin & Terry, 1988).

С целью сохранить свое позитивное самовосприятие, нарциссические личности часто используют межличностные отношения для укрепления своего самооощущения (Morf & Rhodewalt, 2001).

Одним из ключевых механизмов, определяющих взаимодействие нарциссической личности с партнером, является цикл идеализации и последующего обесценивания. Как отмечает Гурина (2019), на начальных этапах отношений нарциссический партнер склонен к интенсивной идеализации избранника, создавая образ совершенного объекта, лишённого недостатков. Этот процесс позволяет нарциссу компенсировать внутреннюю пустоту и укрепить самооценку через обладание «идеальным» партнером. Однако такая идеализация неизбежно сменяется разочарованием, поскольку реальный человек не может бесконечно соответствовать созданному образу. Проявлением нарастающего обесценивания становятся критика сарказм, снижение значимости успехов партнера, что быстро приводит к формированию атмосферы скрытого соперничества и недоверия в отношениях, снижению самооценки партнера. Ответственность за проблемы в отношениях нарциссы при этом всецело возлагают на партнера, уверенно формируя в нем чувство вины и собственной дефектности, что еще больше укрепляет контроль нарцисса над отношениями (Кернберг, 2000).

Феномен созависимости в любовных отношениях

Понятие созависимости является неотъемлемой и крайне важной частью анализа зависимых отношений. Первоначально этот термин возник в контексте работы с семьями химически зависимых лиц (созависимыми называли жен, матерей, сестер алкоголиков, или «со-алкоголиков») (Wegscheider-Cruse, 1985). В дальнейшем Мелоди Битти определила созависимость как чрезмерную зависимость от других людей, доходящую до патологии, поглощенность контролем над поведением другого человека и зависимостью этого человека, а также использование всех средств, чтобы поддерживать отношения с ним, несмотря на причиняемую этим боль. Соответственно сегодня значение данного термина значительно расширилось (Пузырёва, 2012) и на настоящий момент созависимость понимается как устойчивое состояние психической зависимости от отношений, при котором самооценка и эмоциональное состояние человека определяются внешними факторами — настроением, поведением и оценками значимого другого (Москаленко, 2006). Созависимые отношения характеризуются нарушением личностных границ, потерей автономии и постоянной концентрацией на проблемах партнера.

Ключевым аспектом в понимании созависимости и любовной зависимости является ее четкое разграничение с нормальным чувством любви и влюбленности. Если зрелая, здоровая любовь определяется как длительное и глубокое чувство, выражающееся в высоком уровне положительного отношения к объекту, который помещается в центр интересов и потребностей субъекта, но при этом сохраняется

его автономия и целостность, то любовная зависимость характеризуется бессилием перед объектом страсти (Кагарманов, 2016). Основное отличие зависимых отношений заключается в отсутствии внутреннего согласия и свободного решения находиться в них, человека влечет неконтролируемый импульс, который находит свое отражение в таких фразах, как «я не могу без тебя жить», «ты делаешь меня целостным» или «ты мое спасение», которые отражают аддиктивный тип мышления (Sussman, 2010). Зависимые отношения образуют порочный замкнутый круг «сближения-отдаления», который истощает эмоциональные и жизненные ресурсы личности. Важную роль играют когнитивные схемы и убеждения, сформированные в раннем опыте. Дисфункциональные убеждения, такие как «Я не могу быть счастлив один», «Любовь означает полное слияние», «Я несу ответственность за чувства и поведение других», поддерживают зависимые паттерны отношений (Young, Klosko, & Weishaar, 2003). Защитные механизмы, в частности отрицание, проекция и проективная идентификация также способствуют поддержанию любовной зависимости и созависимости. Отрицание позволяет не замечать проблемы в отношениях и негативные аспекты партнера. Проекция включает приписывание собственных неприемлемых чувств и качеств партнеру. Проективная идентификация — это процесс, при котором человек бессознательно провоцирует в партнере чувства и поведение, которые соответствуют его собственным бессознательным конфликтам (Klein, 1946).

Методы

В качестве респондентов в рамках исследования выступили исключительно женщины в количестве 69 человек (М возраст=38,3, SD=8,3; минимальный возраст=20; максимальный возраст=65).

Выбор возрастного диапазона (20–65 лет) участниц обусловлен некоторыми ключевыми факторами, подтвержденными современными исследованиями в психологии развития и семейной психологии. В первую очередь, это сформированные паттерны поведения, некоторая имеющаяся устойчивая модель романтических отношений и семьи в сознании человека. По данным многочисленных исследований, в период ранней (20–40 лет) и средней (40–65 лет) взрослости личность достигает пика когнитивной и эмоциональной зрелости, завершается формирование устойчивых моделей межличностного взаимодействия, включая романтические отношения (Шаповаленко, 2019). Это позволяет респондентам более осознанно рефлексировать динамику отношений, распознавать сложные паттерны, такие как созависимость или нарциссическое поведение партнера, и давать более достоверную оценку своего опыта.

Для достижения цели исследования нами применялись следующие методики:

1. Тест на межличностную зависимость (Interpersonal Dependency Inventory, IDI). Тест предназначен для диагностики зависимости в межличностных отношениях, с его помощью можно выявить любовную зависимость, зависимость от партнёра и детско-родительские отношения. Позволяет измерить степень выраженности таких

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

показателей созависимости как эмоциональная опора на других; неуверенность в себе; стремление к автономии.

2. Опросник эмоционального абьюза (Emotional Abuse Questionnaire, EAQ). Данный тест включает две шкалы, позволяющие оценить основные аспекты эмоционального насилия в отношениях: изоляция (измеряет степень, в которой партнёр ограничивает женщину в общении); унижения (оценивает уровень вербального и эмоционального насилия, направленного на снижение самооценки женщины)

3. Опросник жертвы газлайтинга (Victim Gaslighting Questionnaire, VGQ). Опросник включает в себя три субшкалы: уровень виктимизации (позволяет оценить частоту столкновения с газлайтингом); потеря доверия к себе; эмоциональная изоляция.

4. «Нарциссические черты личности» (НЧЛ). Опросник, который предназначен для оценки нарциссических состояний. Он включает девять шкал, отражающих нарциссические черты личности в соответствии с критериями DSM.

Также для проведения исследования и оценки воспринимаемых женщиной нарциссических черт поведения партнера была разработана и использована авторская анкета-опросник. Анкетирование проводилось с целью получить субъективные данные о восприятии партнера как обладающего чертами, соответствующими критериям нарциссического расстройства личности (DSM-5, МКБ-11), что является ключевым критерием отбора в выборку и основным предиктором в исследовании.

Респондентам предъявлялась следующая инструкция: «Вам предлагается девять утверждений, которые имеют/имели отношение к Вашему партнеру. Прочитайте внимательно каждое утверждение и оцените степень Вашего согласия с ним по шкале от 1 до 10, где 1 – совсем на него не похоже, а 10 – очень похоже на моего партнера. Оценивайте поведение партнера, которое Вы наблюдали лично».

Анкета содержит 9 утверждений, напрямую соответствующих критериям нарциссизма по DSM-5:

1. Грандиозное самомнение (преувеличенное мнение о своих талантах и достижениях), чувство собственного величия, превосходства.

2. Поглощённость фантазиями о неограниченном успехе, власти, великолепии, красоте или идеальной любви.

3. Вера в свою «исключительность» и неповторимость, вера в то, что он должен дружить и может быть понят лишь себе подобными «исключительными» или занимающими высокое положение людьми.

4. Ваш партнер нуждается в чрезмерном и постоянном восхвалении.

5. Ваш партнер ощущает, что имеет какие-то особые права (необоснованное требование предпочтительного отношения к себе или автоматического удовлетворения собственных ожиданий со стороны окружающих).

6. Использует других для достижения собственных целей.

7. Не умеет сочувствовать.
8. Часто завидует другим и верит, что другие завидуют ему.
9. Демонстрирует высокомерное, надменное поведение или отношение.

Анкета является скрининговым инструментом, фиксирующим субъективное восприятие партнера респонденткой, а не клиническим диагнозом партнера.

С целью обеспечения надежности проводимого исследования нами использовались такие методы непараметрической статистики как – коэффициент ранговой корреляции Спирмена (с целью выявления вероятностной связи показателей), U – критерий Манна-Уитни (с целью выявления межгрупповых различий). Для обработки данных были использованы стандартные компьютерные программы статистического анализа данных: SPSS Statistica.

Результаты

В рамках проведения настоящего исследования нами было сделано предположение о том, что женщины, воспринимающие своих партнёров как обладающих высоким уровнем нарциссических черт, будут демонстрировать более высокий уровень межличностной зависимости, а также иметь более низкие показатели по опроснику собственных нарциссических черт по сравнению с женщинами, воспринимающими своих партнёров как обладающих низким уровнем нарциссических черт.

На основании этого предположения нами были сформированы две группы:

Группа 1 – женщины с низким уровнем воспринимаемого нарциссизма партнера (средний балл $\leq 3,0$), $n=35$.

Группа 2 – женщины с высоким уровнем воспринимаемого нарциссизма (средний балл $> 3,0$), $n=34$.

Данный подход позволил сформировать две статистически сопоставимые по объёму группы для последующего сравнения уровня созависимости и её компонентов с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты сравнения по критерию Манна-Уитни между женщинами, воспринимающими партнёра как нарцисса и не воспринимающими партнера как нарцисса

Шкала	U-критерий	p
Эмоциональная опора на других	567,5	0,897
Стремление к автономии	513,0	0,424
Грандиозное чувство самозначимости	536,5	0,610

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шкала	U-критерий	p
Поглощённость фантазиями	546,5	0,699
Вера в собственную уникальность	564,0	0,863
Потребность во внимании и восхищении	557,5	0,801
Ожидание особого отношения	566,0	0,883
Манипуляции в межличн. отношениях	563,5	0,858
Отсутствие эмпатии	490,0	0,280
Сверхзанятость завистью	516,5	0,450
Дерзкое, заносчивое поведение	493,5	0,299

В результате проведенного сравнительного анализа по всем шкалам – как опросника межличностной зависимости (IDI), так и опросника «Нарциссические черты личности» (НЧЛ) – статистически значимых различий между группами не выявлено ($p > 0,05$).

Наиболее низкие значения уровня значимости получены по шкалам «Отсутствие эмпатии» ($U=490,0$; $p = 0,280$) и «Дерзкое, заносчивое поведение» ($U=493,5$; $p=0,299$), однако и они не достигают уровня значимости.

Таким образом, группы статистически не различаются ни по показателям межличностной зависимости, ни по выраженности собственных нарциссических черт. Различия средних значений носят характер тенденций и не подтверждаются непараметрическим критерием.

Следовательно, предположение о том, что женщины, воспринимающие партнёра как обладающего высоким уровнем нарциссических черт, будут демонстрировать более выраженную межличностную зависимость и более низкий уровень собственного нарциссизма, статистически не подтвердилась.

В дальнейшем для более детальной проверки наличия взаимосвязей между воспринимаемым нарциссизмом партнёра и созависимостью у женщин нами был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена.

Цель данного анализа заключалась в выявлении взаимосвязей между: уровнем воспринимаемых нарциссических черт партнёра и общим уровнем созависимости; уровнем воспринимаемых нарциссических черт партнёра и уровнем виктимизации и

унижений; уровнем потери доверия к себе, изоляции и унижения и уровнем созависимости женщин; уровнем собственных нарциссических черт женщин и уровнем созависимости. Значимые взаимосвязи, выявленные в результате корреляционного анализа, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа между интегральным показателем нарциссизма партнера и исследуемыми переменными (метод Спирмена)

Переменные	Сила связи	p-level	Значение
Интегральный показатель нарциссизма партнера и Общий уровень созависимости	0,372	$P \leq 0,01$	Умеренная положительная корреляционная связь
Уровень виктимизации и Интегральный показатель нарциссизма партнера	0,410	$P \leq 0,01$	Умеренная положительная корреляционная связь
Общий уровень созависимости и Сверхзанятость чувством зависти	0,351	$P \leq 0,01$	Умеренная положительная корреляционная связь

Анализ показал наличие статистически значимой умеренной положительной связи между интегральным показателем нарциссизма партнёра и уровнем созависимости ($r=0,372$; $p=0,002$). Это означает, что чем выше женщина оценивает выраженность нарциссических черт у своего партнёра, тем выше у неё уровень созависимости. Также обнаружена статистически значимая умеренная положительная корреляция интегрального показателя нарциссизма партнера и уровня виктимизации женщины ($r=0,410$; $p<0,001$). Это может говорить о том, что с увеличением количества воспринимаемых нарциссических черт у партнёра женщины чаще отмечают переживание виктимизации, то есть ситуаций, в которых они оказываются жертвами обесценивания, унижения и психологического давления. По сути, чем выше уровень нарциссизма у партнёра, тем более выраженным становится у женщины субъективное чувство собственной уязвимости и подчинённости в отношениях.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Корреляционный анализ между шкалами нарциссических черт личности и уровнем созависимости показал, что значимых связей по большинству шкал выявлено не было ($p > 0,05$). Исключение составила шкала «Сверхзанятость чувством зависти», которая продемонстрировала статистически значимую положительную корреляцию с уровнем созависимости ($r=0,351$; $p=0,003$). Таким образом, именно уязвимый компонент нарциссизма, связанный с постоянным сравнением себя с другими и болезненной завистью, оказывается сопряжён с зависимой моделью межличностных отношений. Напротив, такие характеристики, как вера в уникальность, самозначимость или дерзкое поведение, не имеют значимых связей с созависимостью. Полученные результаты позволяют предположить, что уязвимый тип нарциссических проявлений ближе к созависимым паттернам, тогда как грандиозный – может быть относительно независимым от них.

Обсуждение результатов

Первым ключевым результатом стало отсутствие статистически значимых различий между группой женщин, воспринимающих партнера как обладающего высоким уровнем нарциссизма, и группой, воспринимающей партнера как низконарциссичного, по всем шкалам межличностной зависимости (IDI) и собственным нарциссическим чертам (НЧЛ). Данный факт, на первый взгляд, противоречит исходной гипотезе и ряду исследований, демонстрирующих специфику поведения и психологического состояния партнеров нарциссических личностей (Day et al., 2020; Brunell & Campbell, 2011). Однако эта кажущаяся противоречивость может быть объяснена с нескольких позиций.

Во-первых, центральным конструктом в нашем исследовании выступило именно восприятие нарциссических черт, а не объективный, клинически верифицированный диагноз партнера. субъективная оценка личностных черт партнера является сложным феноменом, на который влияют не только его реальное поведение, но и собственные личностные особенности, ожидания, а также история предыдущих отношений респондента. Таким образом, женщины из группы с высоким воспринимаемым нарциссизмом могли иметь более высокую чувствительность к определенным типам поведения в силу своего жизненного опыта или личностной уязвимости, что, однако, не обязательно в прямой форме транслировалось в глобальные показатели зависимости по IDI. Более того, сама созависимость является неоднородным конструктом. Возможно, что в обеих группах присутствовали женщины с высоким уровнем зависимости, но сформировавшейся под влиянием иных факторов, не связанных напрямую с нарциссизмом партнера.

Исследование Mongrain et al. (1998) демонстрирует, что зависимые индивиды склонны к систематическим искажениям в восприятии своих партнеров, часто проецируя на них свои собственные страхи и потребности. В контексте нашего исследования это ставит вопрос о направленности причинно-следственной связи: что первично – объективное нарциссическое поведение партнера или же зависи-

мая диспозиция женщины, которая заставляет ее воспринимать нейтральное или условно-нормативное поведение как нарциссическое? Вероятнее всего, мы имеем дело с двунаправленным влиянием, образующим порочный круг. С одной стороны, как показывают Lamkin et al., (2017), нарциссические черты у партнера объективно ведут к более враждебной и менее удовлетворительной коммуникации в паре. С другой стороны, зависимая женщина, в силу своей повышенной чувствительности к сигналам отвержения и потребности в поддержке, может быть сверхбдительной к малейшим проявлениям нарциссизма, таким как недостаток эмпатии или высокомерие, тем самым усиливая субъективную значимость этих проявлений. Этот сложный перцептивный фильтр, несомненно, влияет на конструктор «воспринимаемого нарциссизма», делая его значимым именно для прогнозирования психологического благополучия самой женщины.

Во-вторых, отсутствие различий по шкалам собственного нарциссизма (НЧЛ) также находит свое объяснение. Исследования последних лет все чаще подчеркивают гетерогенность нарциссизма и его связь с разными межличностными стратегиями. В то время как грандиозный нарциссизм, ассоциирующийся с доминированием, может казаться антагонистичным созависимости, уязвимый нарциссизм, характеризующийся гиперчувствительностью, потребностью в признании, может, напротив, с ней сосуществовать (Kauffman et al., 2020). Тот факт, что в нашем исследовании не было выявлено значимых различий, может указывать на то, что в обеих группах присутствовали женщины как с грандиозными, так и с уязвимыми нарциссическими чертами, которые в совокупности нивелировали межгрупповые различия.

Второй блок результатов, полученный с помощью корреляционного анализа, оказался более информативным и позволил выявить статистически значимые взаимосвязи. Обнаружение умеренной положительной корреляции между интегральным показателем воспринимаемого нарциссизма партнера и общим уровнем созависимости является центральным подтверждением основного предположения исследования. Это согласуется с моделью, согласно которой отношения с нарциссической личностью создают почву для формирования созависимой динамики. Партнер, сталкиваясь с циклом идеализации и обесценивания, эксплуатацией и отсутствием эмпатии, вынужден развивать в себе стратегии, направленные на выживание в этих условиях: гиперконтроль, сосредоточенность на настроении партнера, подавление собственных потребностей (Day et al., 2020; Уайнхолд & Уайнхолд, 2019). Именно эти стратегии и составляют ядро созависимого поведения.

Наиболее сильная из выявленных связей была зафиксирована между воспринимаемым нарциссизмом партнера и уровнем виктимизации женщины по опроснику EAQ. Этот результат напрямую указывает на то, что субъективное восприятие партнера как нарциссического тесно связано с переживанием себя как жертвы психологического насилия, включающего унижение, обесценивание и, вероятно, газлайтинг. Данное наблюдение полностью встраивается в классические описания нарциссической динамики, где систематическое обесценивание является ключевым механизмом поддержания контроля и превосходства нарцисса над партнером (Кернберг, 2000;

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Golomb, 2022). Женщина, воспринимающая поведение партнера как нарциссическое, тем самым рефлексирует те самые деструктивные паттерны, которые и приводят к ее виктимизации. Этот вывод подчеркивает, что работа с восприятием женщины является не отрывом от реальности, а работой с ее актуальной психологической реальностью, в которой она испытывает страдание.

Наиболее интересным результатом корреляционного анализа стала единственная значимая связь между собственной нарциссической чертой респонденток – «сверхзанятость чувством зависти» – и общим уровнем созависимости. Шкала «сверхзанятость завистью» отражает уязвимый, оборонительный полюс нарциссизма, связанный с хроническим ощущением собственной неполноценности, фрустрированной потребностью в признании и склонностью к социальному сравнению (Kaufman et al., 2020; Pincus & Lukowitsky, 2010). Именно этот аспект нарциссизма, в отличие от грандиозного, характеризуется интенсивной внутренней пустотой, стыдом и хрупкостью самооценки. Обнаруженная связь позволяет выдвинуть предположение о том, что уязвимый нарциссизм у женщины может выступать фактором предрасположенности к формированию созависимости в отношениях с воспринимаемым как нарциссичный партнером. Женщина, сама склонная к болезненной зависти и постоянному сравнению себя с другими, может быть особенно чувствительна к поведению партнера, который своими грандиозными проявлениями, потребностями в восхищении и склонностью к обесцениванию постоянно активирует ее систему нарциссической уязвимости. В таких отношениях ее созависимое поведение (например, попытки угодить, стремление заслужить признание, поглощенность партнером) может быть бессознательной попыткой стабилизировать собственную хрупкую самооценку через получение подтверждения от «идеализированного», но одновременно обесценивающего объекта. Таким образом, формируется порочный круг: уязвимая нарциссическая потребность женщины находит свой «отклик» в специфической динамике, создаваемой партнером с высокими нарциссическими чертами, что и приводит к симбиотическому, но деструктивному созависимому слиянию.

Обнаруженная связь между «сверхзанятостью чувством зависти» у женщин и их общим уровнем созависимости получает мощное теоретическое обоснование в современных моделях нарциссизма. Модель спектра нарциссизма, предложенная Krizan & Herlache (2018), рассматривает грандиозность и уязвимость не как отдельные типы, а как взаимосвязанные проявления единого конструкта, которые могут с разной интенсивностью проявляться у одного индивида. В рамках этой модели зависть и стыд являются ядерными аффектами уязвимого полюса нарциссизма. Это напрямую перекликается с нашими данными: именно уязвимый, а не грандиозный нарциссизм у женщины оказался связан с созависимостью. Как показывают Miller et al. (2011), уязвимый нарциссизм тесно ассоциируется с негативной аффективностью, интерперсональным дистрессом и реактивной агрессией, что создает идеальную почву для формирования болезненных, зависимых отношений. Женщина с выраженной уязвимой нарциссической чертой, такой как зависть, постоянно сравнивает себя с другими, ощущает свою неполноценность и испытывает острую потребность во

внешнем подтверждении своей ценности (Pincus & Lukowitsky, 2010). В отношениях с партнером, который воспринимается как нарциссичный (то есть, обладающий теми грандиозными качествами, которых ей не хватает), она оказывается в ловушке: с одной стороны, он вызывает у нее болезненную зависть, а с другой – представляет собой источник столь желанного подтверждения.

Механизм формирования этой связи может быть раскрыт через призму теории привязанности и концепции любовной аддикции. Исследование Day et al., (2020) напрямую показывает, что партнеры нарциссических личностей описывают свой опыт как форму аддикции. Они сообщают о навязчивых мыслях о партнере, невозможности разорвать отношения, несмотря на осознание их разрушительности, и эмоциональных «ломках» в периоды отдаления партнера. Этот феномен идеально объясняется моделью прерывистого подкрепления. Как отмечают Ситникова и Кожухова (2024), «циклы идеализации и обесценивания создают прерывистое подкрепление – паттерн вознаграждения, который является наиболее эффективным для формирования аддиктивного поведения». В контексте наших результатов, женщина с уязвимым нарциссизмом, для которой внешнее подтверждение является экзистенциальной потребностью, оказывается особенно уязвима к такому аддиктивному паттерну. Ее собственная «сверхзанятость чувством зависти» делает ее гиперчувствительной к любым признакам того, что партнер может уделять внимание, восхищение или ресурсы кому-то другому, что лишь усиливает ее навязчивое стремление вернуть его внимание и тем самым подтвердить свою ценность. Этот порочный круг хорошо объясняет, почему именно уязвимая нарциссическая черта, а не грандиозная, оказалась связана с созависимостью.

Более того, исследование Carone et al., (2025) выявило опосредующую роль уязвимого нарциссизма во взаимосвязи между детской травмой и любовной аддикцией. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что у части женщин в нашей выборке уязвимый нарциссизм и сопутствующая ему склонность к любовной зависимости могли сформироваться как следствие раннего неблагоприятного опыта, который затем воспроизводится в отношениях с нарциссическим партнером.

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать несколько важных выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, полученные данные подтверждают ценность конструкта «воспринимаемого нарциссизма», демонстрирующего, что не только объективный диагноз партнера, но и то, как поведение партнера субъективно переживается и осмысливается женщиной, является ключевым предиктором ее психологического дискомфорта.

Во-вторых, результаты подчеркивают необходимость дифференциации типов нарциссизма как у партнера, так и у самой женщины. Наше исследование указывает на то, что именно уязвимая сторона нарциссизма может быть наиболее тесно связана с формированием зависимых отношений. В то время как грандиозный нарциссизм

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

может проявляться в более отстраненном и независимом стиле, уязвимый нарциссизм, с его жадной слияния и страхом отвержения, создает идеальный внутренний фон для развития созависимости.

С практической точки зрения, выявленная связь между воспринимаемым нарциссизмом, виктимизацией и созависимостью указывает на приоритетные мишени для психологического консультирования. Работа должна быть направлена не только на проработку созависимых паттернов поведения, но и на помощь клиентке в осознании и вербализации того, как именно проявляется нарциссическое поведение партнера и как оно связано с ее переживанием виктимизации. Кроме того, особое внимание следует уделять исследованию собственных уязвимых нарциссических тенденций клиентки, таких как склонность к зависти и болезненному социальному сравнению, поскольку они могут быть важным поддерживающим фактором в деструктивной динамике отношений.

Литература

- Бикбулатова, И. Р. (2024). Влияние культурных факторов на формирование нарциссических и перфекционистских черт личности. *Вестник науки*, 4(12 (81)), 1449-1460.
- Гурина, Е. С. (2019). Клиническая картина любовных отношений с партнером нарциссического типа. *Смальта*, (4), 10-14.
- Кагарманов, Д. И. (2016). О различии любви, влюбленности и любовной зависимости. *Инновационная наука*, (5), 203-206.
- Кернберг, О. Ф. (2000). *Отношения любви: Норма и патология*. Класс.
- Москаленко, В. Д. (2006). *Когда любви слишком много: Профилактика любовной зависимости*. Психотерапия.
- Пузырёва, Л. А. (2012). Социально-психологические предпосылки созависимых отношений. *Психология и психотехника*, (11), 81-89.
- Ситникова, Е. В., & Кожухова, Д. А. (2024). Механизмы формирования любовной зависимости у женщины. В *Актуальные проблемы, достижения и перспективы научной и практической психологии в современном обществе* (с. 245-249). Тихоокеанский государственный университет.
- Уайнхолд, Б., & Уайнхолд, Дж. (2019). *Освобождение от созависимости*. Весь.
- Шаповаленко, И. В. (2019). *Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология)*. Юрайт.
- Brunell, A. B., & Campbell, W. K. (2011). Narcissism and romantic relationships. In W. K. Campbell & J. D. Miller (Eds.), *The handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical approaches, empirical findings, and treatments* (pp. 344-350). John Wiley & Sons, Inc.
- Carone, N., Muzi, L., Benzi, I. M. A., Cacioppo, M., Parolin, L. A. L., Santona, A. M. R., & Fontana, A. (2025). The influence of childhood emotional abuse and neglect on love addiction: the indirect effect of vulnerable narcissism among female and male emerging adults. *Journal of Interpersonal Violence*, 40(17-18), 3957-3985.
- Day, N. J., Townsend, M. L., & Grenyer, B. F. (2020). Living with pathological narcissism: A qualitative study. *Borderline Personality Disorder and Emotion Dysregulation*, 7(1), 1-12.

- Dobrow, S., Phillips, C., & Rosado-Solomon, E. H. (2025). A review and expansion of research on narcissism. In *Mental health challenges and work: Advanced topics and future research directions*. Publisher.
- Golomb, E. (2022). *Trapped in the mirror: Adult children of narcissists in their struggle for self*. HarperCollins.
- Kaufman, S. B., Weiss, B., Miller, J. D., & Campbell, W. K. (2020). Clinical correlates of vulnerable and grandiose narcissism: A personality perspective. *Journal of Personality Disorders*, 34(1), 1–28.
- Klein, M. (1946). Notes on some schizoid mechanisms. *International Journal of Psycho-Analysis*, 27, 99–110.
- Krizan, Z., & Herlache, A. D. (2018). The narcissism spectrum model: A synthetic view of narcissistic personality. *Personality and Social Psychology Review*, 22(1), 3–31.
- Miller, J. D., Hoffman, B. J., Gaughan, E. T., Gentile, B., Maples, J., & Campbell, W. K. (2011). Grandiose and vulnerable narcissism: A nomological network analysis. *Journal of Personality*, 79(5), 1013–1042.
- Mongrain, M., Vetteese, L. C., Shuster, B., & Kendal, N. (1998). Perceptual biases, affect, and behavior in the interpersonal relationships of dependent and self-critical individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(1), 230–241.
- Morf, C. C., & Rhodewalt, F. (2001). Unraveling the paradoxes of narcissism: A dynamic self-regulatory processing model. *Psychological Inquiry*, 12(4), 177–196.
- Pincus, A. L., & Lukowitsky, M. R. (2010). Pathological narcissism and narcissistic personality disorder. *Annual Review of Clinical Psychology*, 6, 421–446.
- Raskin, R., & Terry, H. (1988). A principal-components analysis of the Narcissistic Personality Inventory and further evidence of its construct validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54(5), 890–902.
- Sussman, S. (2010). Love addiction: Definition, etiology, treatment. *Sexual Addiction and Compulsivity*, 17(1), 31–45.
- Wegscheider-Cruse, S. (1985). *Choice-making: For co-dependents, adult children, and spirituality seekers*. Health Communications.
- Young, J. E., Klosko, J. S., & Weishaar, M. E. (2003). *Schema therapy: A practitioner's guide*. Guilford Press.

References

- Bikbulatova, I. R. (2024). The influence of cultural factors on the formation of narcissistic and perfectionist personality traits. *Bulletin of Science*, 4(12 (81)), 1449–1460.
- Gurina, E. S. (2019). The clinical picture of a narcissistic love relationship with a partner. *Smalta*, (4), 10–14.
- Kagarmanov, D. I. (2016). About the difference between love, infatuation and love addiction. *Innovative Science*, (5), 203–206.
- Kernberg, O. F. (2000). *A love relationship: Norm and pathology*. Class.
- Moskalenko, V. D. (2006). *When there is too much love: Prevention of love addiction*. Psychotherapy.
- Puzyreva, L. A. (2012). Socio-psychological prerequisites of codependent relationships. *Psychology and Psychotechnics*, (11), 81–89.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Sitnikova, E. V., & Kozhukhova, D. A. (2024). Mechanisms of formation of love addiction in women. In *Actual problems, achievements and prospects of scientific and practical psychology in modern society* (pp. 245–249). Pacific State University.
- Weinhold, B., & Weinhold, J. (2019). *Liberation from codependency*. Whole.
- Shapovalenko, I. V. (2019). *Age psychology (Developmental psychology and age psychology)*. The Urite.
- Brunell, A. B., & Campbell, W. K. (2011). Narcissism and romantic relationships. In W. K. Campbell & J. D. Miller (Eds.), *The handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical approaches, empirical findings, and treatments* (pp. 344–350). John Wiley & Sons, Inc.
- Carone, N., Muzi, L., Benzi, I. M. A., Cacioppo, M., Parolin, L. A. L., Santona, A. M. R., & Fontana, A. (2025). The influence of childhood emotional abuse and neglect on love addiction: the indirect effect of vulnerable narcissism among female and male emerging adults. *Journal of Interpersonal Violence*, 40(17-18), 3957–3985.
- Day, N. J., Townsend, M. L., & Grenyer, B. F. (2020). Living with pathological narcissism: A qualitative study. *Borderline Personality Disorder and Emotion Dysregulation*, 7(1), 1–12.
- Dobrow, S., Phillips, C., & Rosado-Solomon, E. H. (2025). A review and expansion of research on narcissism. In *Mental health challenges and work: Advanced topics and future research directions*. Publisher.
- Golomb, E. (2022). *Trapped in the mirror: Adult children of narcissists in their struggle for self*. HarperCollins.
- Kaufman, S. B., Weiss, B., Miller, J. D., & Campbell, W. K. (2020). Clinical correlates of vulnerable and grandiose narcissism: A personality perspective. *Journal of Personality Disorders*, 34(1), 1–28.
- Klein, M. (1946). Notes on some schizoid mechanisms. *International Journal of Psycho-Analysis*, 27, 99–110.
- Krizan, Z., & Herlache, A. D. (2018). The narcissism spectrum model: A synthetic view of narcissistic personality. *Personality and Social Psychology Review*, 22(1), 3–31.
- Miller, J. D., Hoffman, B. J., Gaughan, E. T., Gentile, B., Maples, J., & Campbell, W. K. (2011). Grandiose and vulnerable narcissism: A nomological network analysis. *Journal of Personality*, 79(5), 1013–1042.
- Mongrain, M., Vettease, L. C., Shuster, B., & Kendal, N. (1998). Perceptual biases, affect, and behavior in the interpersonal relationships of dependent and self-critical individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(1), 230–241.
- Morf, C. C., & Rhodewalt, F. (2001). Unraveling the paradoxes of narcissism: A dynamic self-regulatory processing model. *Psychological Inquiry*, 12(4), 177–196.
- Pincus, A. L., & Lukowitsky, M. R. (2010). Pathological narcissism and narcissistic personality disorder. *Annual Review of Clinical Psychology*, 6, 421–446.
- Raskin, R., & Terry, H. (1988). A principal-components analysis of the Narcissistic Personality Inventory and further evidence of its construct validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54(5), 890–902.
- Sussman, S. (2010). Love addiction: Definition, etiology, treatment. *Sexual Addiction and Compulsivity*, 17(1), 31–45.
- Wegscheider-Cruse, S. (1985). *Choice-making: For co-dependents, adult children, and spirituality seekers*. Health Communications.
- Young, J. E., Klosko, J. S., & Weishaar, M. E. (2003). *Schema therapy: A practitioner's guide*. Guilford Press.

Информация об авторе

Елена С. Малышева – магистрант, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4438-7718>; email: procikia@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.